

Погибшую куртизанку звали Инъюэ. Изначально она была обученной в Сучжоу «тощей лошастью» при официальном казенном дворе, в начале года прибыла в столицу, где ее за огромные деньги выкупил павильон Цветочного Изобилия.

– Желаете повидать госпожу Инъюэ? Увы, это невозможно.

Хозяйка павильона Цветочного Изобилия, Юньнян, стояла прямо у входа. Фусюэ привел к ней двоих, в то время как Сяо Чжочин держался в отдалении, позволяя себе лишь смутно расслышать их разговор.

Услышав имя Инъюэ, Юньнян тут же собралась уходить. Фусюэ поспешно сунул ей в руку две серебряные банкноты, отчего лицо Юньнян озарилось лучезарной улыбкой.

В ее улыбке промелькнуло сожаление:

– Инъюэ уже давно покинула Ецзин. Какая досада, уважаемый гость, считайте, что она вернулась на Цзяннань.

Фусюэ, следуя наставлениям Сяо Чжочина, презрительно усмехнулся:

– Только началась весна, с какой стати ей в этот сезон возвращаться на Цзяннань? Не стоит меня душить, матушка, еще в начале прошлого месяца кто-то заказывал госпожу Инъюэ, а у меня ведь водятся деньги.

Юньнян тут же возразила:

– Что за глупости говорит молодой господин? Какое положение занимает Инъюэ, кто посмеет вызывать ее здесь?

– Раз не здесь, то где же? – Фусюэ изобразил полное пренебрежение.

Юньнян рассмешила его реплика.

– Нигде. Знатные господа наперебой борются за нее, вам ее не заполучить. Даже если бы

Иньюэ была здесь, вам на нее не взглянуть, ступайте с миром.

•

Та показания и впрямь оказались фальшивыми.

В них утверждалось, что в прошлом месяце Цуй Мао навещался в павильон Цветочного Изобилия с ночевкой, а на рассвете следующего дня служанка, вошедшая с чаем, обнаружила госпожу Иньюэ задушенной в собственной комнате. Окна при этом были распахнуты настежь, и Цуй Мао якобы сбежал, выпрыгнув наружу.

Сам же Цуй Мао уверял, будто Иньюэ убил он: в начале месяца он звал ее прислуживать, однако посреди ночи у них вспыхнула ссора из-за пустяка, и он в порыве гнева лишил девушку жизни.

Но эти речи совершенно расходились со словами Юньнян.

Знатные господа борются за нее? Да статус Цуй Мао никак нельзя было назвать благородным.

А раз так, то за право обладать Иньюэ наверняка боролся кто-то другой, и ее смерть несомненно была связана с этими людьми...

Погруженный в раздумья, Сяо Чжочин направился к карете.

– Берегитесь, молодой господин!

В этот самый миг изящная фигурка стремительно бросилась в его сторону.

Сяо Чжочин слегка отпрянул в сторону, и силуэт промахнулся, безвольно рухнув на землю.

Перед ним лежала хрупкая, болезненно худая девушка с мертвенно-бледным лицом, облаченная в пестрые шелка, с развевающимися длинными лентами и жемчужными шпильками в волосах.

Казалось, у нее совсем не осталось сил: упав, она лишь жалобно выдохнула «ай» и бессильно повернула голову, орошая щеки слезами – до того жалостливый у нее был вид.

...С чего бы это ей здесь быть?

Сяо Чжочин сделал полшага назад.

Цюй Жояо – одна из наложниц Ван Юаня, а заодно и «свидетельница», которая в прошлой жизни помогла Ван Юаню убить его.

В прошлой жизни Сяо Чжочин случайно столкнулся с ней на улице, когда та пыталась продать себя, чтобы похоронить отца, но была обманута торговцем людьми и едва не продана в бордель. Проезжая мимо, он по воле случая перекрыл ей дорогу, и сбежавшая девица преградила путь его карете, со слезами умоляя о помощи.

Тогда Сяо Чжочин велел Фусюэ отдать ей серебро, но Цюй Жояо заявила, что не может принять милостыню даром и желает вечно служить ему за двоих, словно бык или лошадь.

У Сяо Чжочина не было привычки обращаться с людьми как со скотиной, однако и пройти мимо чужой беды он не мог. Пока он колебался, Цюй Жояо спросила, не мог ли он написать для нее хоть строчку, и Сяо Чжочин, не раздумывая долго, кивнул.

Его почерк пользовался определенной известностью, и стоило продать эту бумагу в любое место, вырученных денег с лихвой хватило бы девушке на выкуп.

Пока он выводил иероглифы, Цюй Жояо смотрела на него заворуженно и спросила:

– Молодой господин, у вас столь прекрасный почерк, не позволите ли вписать и мое имя?

Три года спустя Цюй Жояо с тем самым свитком в руках растерянно роняла слезы у ног Ван Юаня, обвиняя Сяо Чжочина в том, что некогда тот домогался ее и едва не лишил жизни.

Тогда, отягощенный грузом обвинений, Сяо Чжочин пал жертвой именно этого доноса – Ван Юань воспользовался им, чтобы открыто и беззастенчиво покончить с ним.

- Ты...

Брови Сяо Чжоцина едва заметно сошлись.

Разве твой отец не должен был умереть лишь через полгода?

Цюй Жояо же, полная горьких слез и невыразимой жалости к себе, воззрилась на него:

- Спасите меня, молодой господин!

Заметив, что Цюй Жояо снова норовит кинуться к нему на грудь, Фусюэ мгновенно заслонил дорогу:

- Девушка, вы что удумали!

В прошлой жизни Цюй Жояо всхлипывала, избличая его в грязных домогательствах, и этот ее образ до сих пор стоял у Сяо Чжоцина перед глазами.

Но если посудить сейчас - кто кого здесь еще домогался?

Неподалеку несколько рослых бугаев уже спешили в их сторону. Цюй Жояо беспомощно повисла на руке Фусюэ, в то время как ее полные слез глаза в упор смотрели на Сяо Чжоцина.

- Молодой господин, я продала себя, чтобы предать земле отца, и надеялась честно прислуживать в каком-нибудь доме простой служанкой. Но те лиходеи обманули меня, намереваясь сбыть в блудилище! Умоляю, спасите меня...

Сяо Чжочин устало потер переносицу.

Сцена со смертью отца - и та умудрилась сдвинуться по срокам.

Он ни на йоту не сомневался в правдивости слов Цюй Жояо. И вовсе не потому, что доверял ее честности: просто в «Попирающем князей» гарем главного героя никак не мог состоять из столь «дурных женщин».

Даже когда в прошлой жизни она погубила Сяо Чжоцина, Цюй Жояо льнула к груди Ван Юаня со словами: «Господин Сяо и вправду некогда оказал мне милость, но раз он враг моего мужа, значит, он и враг Сяозэр...»

Эта картина выглядела чересчур приторно и отвратительно, и Сяо Чжочин не желал к ней возвращаться.

Короче говоря, раз Цюй Жояо утверждала, что ее отец преставился, значит, он действительно умер. А раз заставило даже отца умереть раньше положенного срока, на то была лишь одна причина.

Так требовал сюжет.

– Послушайте... даже если вы в отчаянии, изъясняйтесь членораздельно! – Фусюэ, запутавшись в девичьих объятиях и окончательно потеряв терпение, умоляюще уставился на хозяина. – Молодой господин...

Молодой господин, ну скажите же хоть слово!

Однако Сяо Чжочин смотрел вовсе не на него.

Сквозь плач и причитания Цюй Жояо он поднял взгляд, поверх спящих туда-сюда прохожих, и мгновенно выперил глазами фигуру Ван Юаня.

Тот со всех ног выскочил из башни Обитель Весны, ткнул в сторону Сяо Чжоцина пальцем и во всеуслышание завопил на всю улицу:

– А ну отпусти девчонку!

•

Разумеется.

Согласно книжному сюжету, Ван Юаню здесь делать было абсолютно нечего.

Ему следовало бы с триумфом обустроиваться в княжеском особняке, заводить знакомство с единственной дочерью князя Ляня и зарабатывать свой первый капитал.

Но вместо этого он стоял здесь, имея весьма потрепанный и жалкий вид.

Сяо Чжочин прозрел в ту же секунду.

У Ван Юаня возникли трудности, а потому и сопутствующие сюжетные линии сместились, дабы состряпать для него порцию лакомых «плюшек».

А в чем заключалась «плюшка»?

– Сяо Чэ, и ты еще смеешь именоваться государственным чиновником и отпрыском знатного рода! Среди бела дня позволяешь своим псам силой уводить простолюдинку, ну до чего же ты мразь!

Вопил Ван Юань на всю ивановскую.

Фусюэ: «?»

Кто тут пес, я?!

Сяо Чжочин перевел взгляд на Цюй Жояо и бесстрастно осведомился:

– Сударыня, это я вас принуждаю?

Он прочел ту книгу от корки до корки, одолев миллионы знаков, и разобрался в законах «триумфальных моментов» лучше кого бы то ни было.

И точно: Цюй Жояо густо покраснела и, испуганно шмыгнув носом, замолчала.

– Ты еще и запугиваешь ее?! Спрашиваешь так, что она и пигнуть не смеет! – распалялся Ван Юань.

Если бы не этот ублюдок, вклинившийся со своей поэзией, он бы, пожалуй, уже охмурил главную красавицу!

И в прошлый раз точно так же: не сунься этот гад куда не просят, он бы давно уже стал зятем

герцога Янь!

Чем дольше думал Ван Юань, тем сильнее свирепел.

Сейчас Сун Цяньцянь наблюдала за ним со второго этажа, а потому, суммируя старые обиды и новые счеты, он поклялся стереть Сяо Чжочина в порошок и лишить возможности корчить из себя элиту!

Но Сяо Чжочин даже не глянул на него – его холодный взгляд скользнул за спину паренька.

Ван Юань обернулся – и едва не кубарем полетел назад, столкнувшись нос к носу с несшимися напролом амбалами.

– ...Твою мать!

Свирепые мужики налетели грозной тучей:

– Ах ты сучка малолетняя, сбежать вздумала!

Тут уж Цюй Жояо испугалась по-настоящему и, забившись за спину Фусюэ, задрожала мелкой дрожью.

Бандиты было сунулись вперед, но вид стоявшего неподалеку Сяо Чжочина – преисполненного холодного достоинства, с благородными манерами и в одеждах явно не простого кроя – заставил их переглянуться и замереть на месте.

– Она вам задолжала? – ровно поинтересовался Сяо Чжочин.

Мужики переглянулись, и один из них выступил вперед:

– Точно!

Сяо Чжочин кивнул:

- Сколько?

А вот и простофиля с тугим кошельком!

Стоило им услышать вопрос и сообразить, что этот роскошно одетый господин, судя по всему, намерен выкупить девицу, как глаза громил загорелись:

- Пятьсот лянов!

Не то чтобы они раскапывали императорскую гробницу – речь шла всего лишь о гробе для покойника, но аппетит заставил их задрать цену по меньшей мере в сто раз.

Сяо Чжоцин бросил взгляд на Цюй Жояо: та лишь тряслась от страха, не пытаясь вымолвить ни слова в свое оправдание.

Впрочем, неважно.

Сяо Чжоцин усмехнулся и холодно бросил:

- Что ж, платите.

Кто платит?

Громилы проследили за его взглядом и уставились на жавшегося рядом Ван Юаня, похожего на потрепанного цыпленка.

У Ван Юаня отвисла челюсть:

- С какого перепугу я должен платить?!

Сяо Чжоцин изумленно изогнул бровь:

- Разве вы не собирались спасти красавицу?

Ван Юань: «Я...»

Сяо Чжоцин легко улыбнулся:

– Изначально я действительно намеревался помочь, но в моем доме нет нужды в лишних служанках. Поскольку молодой господин Ван мне не доверяет, я не стану отнимать у вас чужие лавры. Прошу вас, молодой господин, милости прошу.

Он чуть приподнял руку, с изысканной вежливостью предлагая Ван Юаню взять на себя роль главного простофили.

Многочисленные зеваки уже остановились поглазеть на зрелище, привлеченные недавним истошным воплем Ван Юаня.

Теперь же все взгляды сошлись на нем самом, и Ван Юань, судорожно нашаривая кошель, мгновенно вспотел от макушки до пят.

Он же расписку подписал, ему еще дом покупать нужно...

Сяо Чжоцин как раз вовремя подал голос:

– У молодого господина Вана нет денег? – он вопросительно склонил голову набок, после чего отдал распоряжение телохранителю: – Фусюэ, возьми пятьсот лянов и выкупи человека за молодого господина Вана.

– Да у меня полно денег!

Ван Юань клюнул на излюбленную триггерную фразу.

Наверху из окна за ним наблюдала Сун Цяньцян! Если он позволит какому-то Сяо Чжоцину осыпать себя подачками, что она о нем подумает?!

Закусив удила и набычившись, Ван Юань вытащил из кошелька вексель на пятьсот лянов и со злостью швырнул его прямо в морды бандитам, изображая из себя сорящего деньгами богача:

– Деньги ваши, проваливайте!

Видя, как амбалы прихватили купюру и ретировались, Ван Юань торжествующе задрал подбородок и повернулся к Сяо Чжоцину.

Ну что, схавал? Понял теперь, у кого водятся бабки?

Однако Сяо Чжочин даже не удостоил его взглядом.

Пока Ван Юань упивался самоутверждением, тот уже развернулся и взошел по ступенькам в карету.

Плотные занавеси скрыли Сяо Чжочина от глаз Ван Юаня, словно отрезав друг от друга два совершенно разных мира.

Наверху красовалась главная столичная куртизанка, за спиной Ван Юаня жалась хрупкая, словно тростинка на ветру, Цюй Жояо, а в конце улицы его поджидала прижимающая к груди пожитки Юнь Циэр.

Сяо Чжочин едва заметно улыбнулся.

Раз уж сюжет ускорился, остается лишь пожелать этому бедному герою без гроша в кармане пораньше обзавестись целым гаремом жен и наложниц.

•

«...Позднее ту девицу выкупили за пятьсот лянов, и покупателем оказался не господин Сяо, а тот самый бродяга, за которым он велел следить».

В мрачной и безмолвной холодной тишине двора Изогнутой Террасы Инь Шици докладывал обстановку Фэн Юаньси.

Он и Инь Сань не понимали мотивов столь странного приказа своего господина, но долг тайного стража предписывал лишь беспрекословно исполнять волю повелителя.

Инь Сань среди ночи переслала весточку о действиях Сяо Чжочина прямо во дворец, и послание тут же легло на стол императора.

Фэн Юаньси вертел в пальцах то тайное донесение.

Для приближенных князя Ляня заходить в квартал красных фонарей не было внове. Кто-то швырял тысячи лянов на утеху плоти, кто-то вершил тайные делишки в укромных уголках. В конце концов, шумные и людные веселые дома служили лучшим прикрытием как для транжирства, так и для махинаций.

Но Сяо Чжочин заявился туда демонстративно и открыто, разыграв сложную многоходовку, дабы содрать с какого-то проходимца пятьсот лянов.

У него...

И впрямь уйма свободного времени.

Фэн Юаньси усмехнулся, лениво откинувшись на спинку ложа:

– Продолжай.

– Инь Сань докладывает, что господин Сяо ведет поиски Инъюэ.

Как и ожидалось.

– Он разыскивает Инъюэ?

Фэн Юаньси сжал в руке секретное письмо.

Он так и знал: тот отправился в квартал удовольствий вовсе не ради пустяков. Гибель Инъюэ была окутана глубочайшей тайной, однако Сяо Чжочин умудрился докопаться до подоплеки.

Неведомо почему, но Фэн Юаньси ощутил легкий укол возбуждения.

Что же именно он обнаружит?

– Да. Инь Сань вопрошает у Вашего Величества, как поступить.

Поступить?

Фэн Юаньси вынашивал планы целое десятилетие. Поднебесная велика, и повсюду простирались владения князя Ляня; если они хотели пошатнуть это раскидистое дерево, любая улика против клики князя Ляня приобретала решающее значение.

На доске оставалось всего несколько фигур, и стоило оступиться хоть в малейшем шаге, как все труды пошли бы прахом.

Смерть Инъюэ была одной из таких ключевых пешек.

Но... неужели Сяо Чжочин и вправду человек князя Ляня?

Не похоже.

Даже зная, что чистейший лотос порой распускается в грязи, когда глядишь на прозрачную гладь пруда, никто не ведает, насколько гнилыми и переплетенными стали корни на дне – особенно если речь шла о столь одиозной марионетке партии князя Ляня, выставленной напоказ.

И все же нутром он чувствовал: нет, не похож.

Это подозрение зудело в груди, словно тонкая колючка – невесомая, пушистая, мягкая, но способная в любой момент ранить сердце до сладкой истомы.

Оно распаляло непреодолимое желание докопаться до сути, узнать, чего же в конце концов добивается Сяо Чжочин.

...Даже если для этого придется прибегнуть к средству «приручить тигра, отдав ему собственную плоть».

Фэн Юаньси, вопреки обыкновению, после вопроса подчиненного погрузился в долгое, тягучее молчание.

<http://bllate.org/book/18810/1865684>